

УДК 165.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма

Открытая лекция: Существует ли внешний мир?

Часть I. Решение или устранение проблемы скептицизма *

И. Е. Прись

*Институт философии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

Аннотация

Мы рассматриваем новые современные подходы к решению или устранению проблемы скептицизма относительно существования внешнего мира – дисджанктивизм, байскопический подход Д. Притчарда и «сначала-знание» подход Т. Уильямсона. В частности, мы утверждаем, что решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дисджанктивизма сопряжено с рядом трудностей потому, что этот подход не принимает во внимание понятие петлевого предложения Л. Витгенштейна. На наш взгляд, успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия неметафизического витгенштейновского реализма. Предложенное Д. Притчардом в рамках «байскопического» подхода устранение скептической проблемы как псевдопроблемы опирается на сочетание того, о чем говорят эпистемологический дисджанктивизм и эпистемология позднего Л. Витгенштейна.

Ключевые слова

скептицизм, осевые предложения, эпистемологический дисджанктивизм, байскопический подход, сначала-знание эпистемология, контекстуальный реализм

Благодарности

Я благодарен директору Института философии и права НГУ профессору Владимиру Серафимовичу Диеву, а также заведующему кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Никите Владимировичу Головки и, конечно, руководству университета и Программе 5-100 НГУ за приглашение, за предоставленную возможность поработать вместе с вами здесь в Сибири, в Новосибирском государственном университете.

* Открытая лекция «Существует ли внешний мир? О некоторых новых подходах к проблеме картезианского скептицизма» была прочитана в Новосибирском государственном университете 11 декабря 2019 года в рамках Программы приглашения иностранных специалистов по Проекту 5-100. Это первая часть лекции.

Для цитирования

Прись И. Е. Современные подходы к проблеме картезианского скептицизма. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть I. Решение или устранение проблемы скептицизма // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 180–194. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

Contemporary Approaches to the Problem of Cartesian Skepticism Open Lecture: Does the External World Exist? Part I. Solving or Dissolving the Skeptical Problem *

I. E. Pris

*Institute of Philosophy of NAS of Belarus
Minsk, Belarus*

Abstract

We consider some new contemporary approaches to solving or dissolving the problem of skepticism regarding the existence of the external world, in particular, disjunctivism, Duncan Pritchard's bispocic approach and Timothy Williamson's knowledge first approach. We argue that resolving the skeptical problem within the framework of epistemological disjunctivism is problematic because it does not take into account the Wittgenstein's notion of a hinge proposition. In fact, a successful approach to the skeptical problem requires a revision of the metaphysical premises of traditional epistemology, namely the adoption of a non-metaphysical Wittgenstein's realism. The recently proposed by D. Pritchard within the framework of his "bispocic" approach dissolving of the skeptical problem as a pseudo-problem just combines Wittgenstein's hinge epistemology and epistemological disjunctivism.

Keywords

skepticism, hinge propositions, epistemological disjunctivism, bispocic approach, knowledge first epistemology, contextual realism

Acknowledgements

I would like to thank Professor Dr. Vladimir Serafimovich Diev, the Director of the Institute for the Philosophy and Law of NSU, and Dr. Nikita Vladimirovich Golovko, the Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, as well as the university officials of the Project 5-100 initiative, for the invitation and the opportunity to work together here in Siberia, at Novosibirsk State University.

For citation

Pris I. E. Contemporary Approaches to the Problem of Cartesian Skepticism. Open Lecture: Does the External World Exist? Part I. Solving or Dissolving the Skeptical Problem. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 180–194. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-180-194

* The open lecture "Does the external world exist? (On some new approaches to the problem of Cartesian skepticism)" was held at Novosibirsk State University on December 11, 2019 under the Program of Foreign Specialists Invitation under the Project 5-100 initiative. This is the first part of the lecture.

Введение

Существует ли нечто по ту сторону нашего сознания, наших представлений, мыслей, смысла? Существует ли «внешний мир» – «объективная реальность»? В отличие от умеренного (здорового) скептицизма, который просто напоминает нам, что наше знание не абсолютно достоверно, ошибка всегда возможна, картезианский радикальный скептицизм утверждает, что мы ничего не знаем, не можем знать и даже не можем иметь рационально обоснованных мнений о внешнем мире. Например, утверждает скептик, я не знаю, не могу знать и не могу иметь обоснованного мнения, что у меня две руки. Быть может, как говорит в *Размышлениях* Декарт, мы «спим и все эти частности – открывание глаз, движения головой, протягивание рук – не являются подлинными, и вдобавок, быть может, у нас и нет таких рук и всего этого тела». Говоря современным языком, быть может, я мозг-в-баке, манипулируемый сумасшедшим ученым¹. Радикальный скептицизм тесно связан с идеализмом, а также с релятивизмом и нигилизмом: если мы считаем, что ничего не знаем и не можем знать, мы будем толерантны к любой точке зрения, любой «истине»; если нет ничего достоверного, жизнь теряет всякий смысл. Умеренный (локальный) скептик не принимает инфантилизм, т. е. допускает, что теоретически он может быть мозгом-в-баке, но утверждает, что это удаленная возможность. Поэтому он знает, что он не мозг-в-баке. Но у радикального скептика есть свои ресурсы, аргументы и, в частности, принцип замкнутости знания и принцип недоопределенности рациональных оснований (или очевидности)². Об использовании скептиком этих двух принципов мы будем говорить ниже.

В первой части лекции мы проследим эволюцию современных подходов к проблеме картезианского скептицизма и выявим их достоинства и недостатки. В частности, мы рассмотрим фаундалистский подход Дж. Мура, неомуровский экстерналистский подход, а также три новых подхода: эпистемологический дисджанктивизм и байскопический подход Д. Притчарда и «сначала-знание» подход Т. Уильямсона. Мы покажем необходимость обращения к эпистемологии петлевых предложений Витгенштейна и терапевтическому методу анализа и устранения ложной метафизики. Петлевые предложения мы будем интерпретировать в рамках неметафизической реалистической позиции как укорененные в реальности (языковых играх и формах жизни) витгенштейновские правила. Мы сделаем вывод, что успешный подход к решению скептической проблемы требует пересмотра

¹ Мысленный эксперимент «мозг-в-баке» предложил Хилари Патнэм.

² Гения Шёнбаумсфелд делает различие между недавним мозгом-в-баке (это случай локального скептицизма), пожизненным мозгом-в-баке и «ничего, кроме мозга-в-баке». Последний случай является наиболее радикальным.

метафизических предпосылок традиционной эпистемологии, а именно принятия витгенштейновского неметафизического (контекстуального) реализма. «Байскопический» подход устранения скептической проблемы как псевдопроблемы, комбинирующий эпистемологический дисджанктивизм и петлевую эпистемологию Л. Витгенштейна, представляет собой движение в этом направлении.

Муровский и неомуровский антискептицизм

Эпистемологический фаундализм

Эпистемологический фаундализм пытается найти достоверный эпистемологический фундамент для своих убеждений (мнений, знания) – самоочевидные убеждения, – на котором он строит всё знание. Декарт к такому фундаментальному самоочевидному убеждению относит убеждение «Я мыслю», которое, на самом деле, является убеждением теоретическим. Из него он выводит знание «Я есть (существую)». У Джорджа Мура – философа первой половины XX в. – роль фундамента (и этим он отличается от Декарта) играют некоторые обыденные убеждения, обладающие оптимальной (позитивной) эпистемической достоверностью – он называет их «очевидными трюизмами», или «достоверностями обыденного смысла» – типа «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» и другие. Для обоих философов эпистемическая рациональная оценка может быть глобальной и, в частности, тезис о существовании внешнего мира может быть рационально обоснован.

Мур полагает, что он знает, что у него две руки (в частности, потому, что он может видеть, что у него две руки)³. И поскольку он это знает, две его руки существуют как объекты внешнего мира, и внешний мир существует. Следовательно, он знает, что внешний мир существует. Аргумент Мура неявно использует принцип замкнутости знания и логическое правило *modus ponens*: если я знаю, что *A*, и из *A* логически (априори) вывожу, что *B*, то есть знаю, что *B* следует из *A* (логический вывод должен быть возможен), то я приобретаю знание, что *B*.

На самом деле, как мы утверждаем, здесь имеет место не просто логический вывод, а вывод при дополнительном метафизическом предположении о том, что понятие внешнего мира и, соответственно, дуализм субъекта и объекта, чистая

³ Для Мура убеждение «У меня две руки» является оптимальной рациональной эпистемической достоверностью. Различие между этим убеждением и, например, убеждением «Бородинское сражение состоялось в 1812 году» лишь в степени достоверности. С точки зрения нашей интерпретации позднего Витгенштейна, это различие категоричное: если первое предложение (в широком смысле) логическое, представляет собой формулировку нормы, то второе – эпистемическое (эмпирическое). При этом статус предложения может меняться.

субъективность, имеют смысл. Как отмечает французский философ Жослен Бенуа, взгляд на субъективность как на некоторую замкнутую в себе сущность – побочный продукт эпистемологии модерна.

Антискептическая позиция Мура vs догматический скептицизм

Скептик приводит контраргумент, используя логическое правило *modus tollens*. Он исходит из утверждения, что он не может (по крайней мере, рационально в смысле рефлексивной доступности эксплицитных рациональных оснований) знать, что внешний мир существует. И опять же, используя тот же самый принцип замкнутости знания (и правило *modus tollens*), он утверждает, что он не может знать, что у него две руки. Этот аргумент скептика имеет такую же силу и те же недостатки, что и антискептический аргумент Мура.

Принцип замкнутости знания в рассуждениях и скептика, и Мура следует понимать как принцип для рационального (в смысле рефлексивно обоснованного) знания. С точки зрения Мура, я рационально знаю, что внешний мир существует. Таким образом, применяя принцип замкнутости знания, оба догматических аргумента – и антискептический, и скептический – приводят к неприемлемым выводам: первый – к выводу о возможности рационального знания о существовании внешнего мира, второй – о невозможности познания обыденных истин вида «У меня две руки»⁴.

Неомуровский экстерналистский подход

Неомуровский экстерналистский антискептический аргумент Дункана Притчарда сохраняет принцип замкнутости знания для экстерналистски обоснованного знания, понятого как безопасное (*safe*) истинное мнение. Согласно этой точке зрения, я знаю, что я существую (что я не мозг-в-баке), поскольку мое истинное мнение, что я существую, безопасно, т. е. не могло бы с легкостью оказаться ложным – в ближайших возможных мирах я не мозг-в-баке. В то же время, согласно этой теории, у меня нет доступа к рациональному основанию для моего знания. Поэтому рационально (в смысле интерналистской рефлексивной рациональности) я не знаю, что внешний мир существует.

⁴ По этой причине некоторые авторы отвергают принцип замкнутости знания. На первый взгляд принцип замкнутости знания также входит в противоречие с принципом восприимчивости (*sensitivity*), утверждающим, что *S* знает что *p* только если выполнено следующее условие: если бы *p* было ложным, то *S* не был бы убежден что *p*. Я знаю, что передо мною компьютер (компьютер существует), так как если бы это было не так, я бы не верил, что он передо мною. Если принять принцип замкнутости знания, я должен знать, что я не мозг-в-баке. Но согласно принципу восприимчивости я не могу это знать. Если бы я был мозгом-в-баке, я продолжал бы верить, что передо мною компьютер и что я не мозг-в-баке.

Понятие интерналистски обоснованного знания существенно для рассмотрения скептического парадокса. В самом деле, парадокс возникает именно потому, что предполагается, что и у меня, и у мозга-в-баке одни и те же рациональные основания верить, что окружающие предметы и внешний мир в целом существуют. Майкл Уильямс отвергает экстерналистские решения скептической проблемы на том основании, что они содержат логический круг, т. е. изначально предполагают, что мы живем в более или менее нормальном мире, и объясняют, каким образом при этом условии возможно знание.

Новые подходы к решению скептической проблемы

Эпистемологический дисджанктивизм

Д. Притчард предложил интерналистское неомуровское решение скептической проблемы в рамках эпистемологического дисджанктивизма. Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) – это тезис, утверждающий, что в парадигматическом случае визуального восприятия я знаю, что p , в сильном интерналистском смысле, потому что мое истинное мнение, что p , имеет доступное рефлексии фактивное рациональное основание «Я вижу, что p ». В данном случае, допускается существование доступных рефлексии фактивных рациональных оснований, т. е. оснований, из которых логически вытекает наличие факта.

С точки зрения ЭД мозг-в-баке не знает, что у него две руки, хотя ему кажется, что у него две руки. У меня же есть доступное рефлексии фактивное основание для моего истинного мнения: «Я вижу, что у меня две руки». Поэтому я знаю, что у меня две руки. Таким образом, структура рациональности, очевидность у меня и у мозга-в-баке оказывается разной. К тому же, как недавно показал Притчард, в нескептическом сценарии фактивное основание одновременно является нормативным, мотивационным и объяснительным, тогда как для мозга-в-баке – только мотивационным. Таким образом, на первый взгляд в рамках ЭД скептическая проблема для обыденных случаев решается удовлетворительно (проблема недоопределенности рациональных оснований не возникает).

В то же время комбинация ЭД с принципом замкнутости знания приводит к интуитивно неправдоподобной возможности рационального знания о существовании внешнего мира. Это интерналистское решение проблемы радикального скептицизма, в рамках которого оказывается возможной глобальная эпистемическая оценка мнений субъекта (так же, как у Декарта и у Мура).

Сначала-знание эпистемология

Радикально экстерналистская сначала-знание эпистемология (СЗЭ) Тимоти Уильямсона имеет сходства с дисджанктивизмами – современными версиями на-

ивного реализма. С точки зрения СЗЭ очевидность есть знание (и наоборот), но рациональность, основанная на очевидности, не всегда операциональна: мы не всегда знаем, что мы знаем, не всегда можем гарантировать, что мы поступаем рационально. В частности, не существует универсальной очевидности для решения скептической проблемы. Очевидность, которой располагает мозг-в-баке, значительно более бедная, чем та, которой располагаем мы (хотя мозг-в-баке об этом и не знает), поскольку мы знаем, что окружающие нас предметы реально существуют. Другими словами, мнения и убеждения, которые формируются мозгом-в-баке, – неуспешные. Это экстерналистское решение скептической проблемы.

Традиционная интерналистская эпистемология предполагала «чистоту» ментальных состояний. Поэтому знание никогда не рассматривалось как ментальное состояние. На самом деле, зависимость от внешней среды не недостаток, а сама суть ментального. Для Уильямсона сознание не «внутренний мир», характеризующийся пучком монадических свойств, а «сеть отношений между агентом и средой»; оно включает в себя мир, а знание и действие – наиболее полное выражение сознания. В рамках контекстуального реализма Бенуа сознание (так же, как и мысль, смысл, концепты), если это подлинное сознание (нормы, концепты, смысл и т. д.), укоренено в реальности.

О знании и сознании, которое его сопровождает (знание – ментальное состояние), можно говорить в терминах языковых игр Витгенштейна, которые суть употребления правил / норм в контексте для измерения реальности. «Сеть отношений между агентом и средой» есть языковая игра. Для Витгенштейна «понятие знания сопряжено с понятием языковой игры». Языковые игры имеют смысл лишь в рамках формы жизни. Правила языковых игр относятся к грамматике формы жизни. Наиболее общие грамматические предложения Витгенштейн называет петлевыми предложениями (ПП).

Мозг-в-баке, лишенный каких-либо связей с реальностью, не может иметь сознания, ментальности, не может мыслить, формировать мнения (во всяком случае, его сознание будет очень бедным).

Петлевые предложения Витгенштейна

Вернемся теперь к позиции Мура, согласно которой предложение «У меня две руки» самоочевидное. Витгенштейн заметил, что наиболее достоверное убеждение не может иметь обоснование, так как обоснование не может быть менее достоверным. «Ведь то, что у меня две руки, столь же несомненно до того, как я на них взгляну, сколь и после». Для Витгенштейна, предложения «У меня две руки», «Это рука», «Земля существовала задолго до моего рождения» могут иметь (в широком смысле) логическую («грамматическую») достоверность нашей формы жизни. Нет

смысла говорить о том, что они истинны или ложны, что мы их знаем или нет. Такие предложения (достоверности, убеждения) предполагаются в процессе познания, мышления, употребления языка. Они предполагаются логикой нашей рациональности. В *О достоверности* Витгенштейн назвал их петлевыми предложениями (нем. “Angeln”, англ. “hinge”): «Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]... то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований» (§ 341–342).

Скептик сомневается, не имея на это никаких оснований. Более того, он и не может иметь никаких оснований для своего сомнения, так как его сомнение глобально. «Попытавшийся усомниться во всем не дошел бы до сомнения в чем-то. Игра в сомнение уже предполагает уверенность» (§ 115). По этой причине позиция скептика и сама постановка скептической проблемы бессмысленны. Таково «минимальное прочтение» Витгенштейна.

В рамках аналитической эпистемологии существует много разных интерпретаций петлевых предложений Витгенштейна. Можно ли, как говорит Витгенштейн, «услышать все голоса и воссоединить их друг с другом». С нашей точки зрения, понятие ПП требует анализа в контексте всей философии позднего Витгенштейна и, в частности, принятия во внимание таких понятий, как «форма жизни», «языковая игра», «грамматика формы жизни», «правило», проблемы применения правила. Мы интерпретировали ПП как (наиболее общие) витгенштейновские правила (далее – в-правила). Позднее и независимо от нас Анализа Колива интерпретировала ПП как правила.

Петлевые предложения: наша позиция. ПП Витгенштейна имеет три взаимосвязанных аспекта: логический, эпистемический и онтологический / натуралистический. Природа ПП может быть понята лишь в том случае, если принять во внимание взаимосвязь между ними. Вкратце ее можно резюмировать следующим образом: ПП есть витгенштейновское правило. Будучи правилом, оно имеет логическую достоверность. Нет смысла говорить о его ложности или истинности. В контексте петлевого-предложение-правило может превратиться в петлевого-предложение-парадигму. Сомневаться в истинности парадигмы иррационально. Наконец, в контексте петлевого предложения может превратиться в более или менее достоверное обоснованное эмпирическое знание, или знание как языковую игру. Сомневаться при наличии знания не рационально. Понимание природы петлевых предложений позволяет установить, что проблема глобального скептицизма является псевдопроблемой, основанной на ложных предпосылках.

Можно сказать несколько по-другому. ПП – нормы, для измерения реальности. Они вырабатываются в реальности и укоренены в реальности. ПП гибричны в том смысле, что в зависимости от контекста они могут менять свой статус. С одной точки зрения, ПП может быть нормой, а с другой – эмпирическим предложением. Этот статус также может меняться в процессе эволюции. В *О достоверности* Витгенштейн пишет: «Можно было бы представить себе, что некоторые предложения, имеющие форму эмпирических предложений, затвердели бы и функционировали как каналы для не застывших, текучих эмпирических предложений; и что это отношение со временем менялось бы, то есть текучие предложения затвердевали бы, а застывшие становились текучими» (§ 96). Это позволяет избежать релятивизма и разрешить непреодолимые на первый взгляд разногласия между экспертами.

Притчард предлагает трактовку ПП как висцеральных («животных») обязательств, не имеющих истинностных значений, но пропозициональных, разделяющих общее ядро (последнее условие позволяет противостоять эпистемическому релятивизму). Для нас ПП суть наиболее общие правила наших естественных нормативных практик – «форм жизни» и принадлежащих им «языковых игр». При этом «животными» являются также примитивные языковые игры, которые лежат в основе наших форм жизни. Для Витгенштейна (и для СЗЭ Уильямсона) действие и знание первичны, а следование правилу «слепо».

Вывод, что скептическая проблема – это псевдопроблема в той или иной мере разделяют: Людвиг Витгенштейн, Хилари Патнэм, Дональд Дэвидсон, Майкл Уильямс, Дункан Притчард, Жослен Бенуа, Клод Романо, Маркус Габриель, Роберт Брэндом, Анализа Колива, Геня Шёнбаумсфелд и другие авторы.

Структура рациональности

Аналитическая эпистемология поначалу пыталась решать проблему скептицизма, но, как представляется, постепенно обращается к витгенштейновскому выводу, что скептическая проблема – псевдопроблема, основанная на ложных предпосылках. Проблема не решается, а устраняется терапевтически. На наш взгляд, аналитическая эпистемология делает это непоследовательно. В частности, мы имеем в виду один из новейших антискептических подходов – «байскопический подход» современного британского эпистемолога Дункана Притчарда.

Стандартная и альтернативная точки зрения на позицию Витгенштейна. Согласно стандартной точке зрения, в работе *О достоверности* Витгенштейн рассматривает проблему скептицизма. Он дает прямой ответ Муру на его решение проблемы скептицизма. Недавно Притчард предложил другую точку зрения, которая утверждает, что Витгенштейн предлагает новый подход к структуре (эпистемической) рациональности, раскрывает ее существенно локальный характер. Ра-

циональность, если речь идет о чисто интерналистской рациональности, не может быть глобальной. Для Витгенштейна мыслить, верить, сомневаться, знать, ошибаться можно лишь в рамках формы жизни, имеющей укорененную в реальности «грамматику» (логику). В *О достоверности* он пишет: «Чтобы ошибаться, человек уже должен судить согласно с человечеством» (§ 156).

Рациональность и псевдорациональность. Согласно Витгенштейну, ПП нельзя рационально ни обосновать, ни опровергнуть. Для Притчарда ПП автоматически исключаются из сферы рационального; они не рациональны, не иррациональны, они а-рациональны. Наша позиция ближе к позиции Колива: ПП рациональны в широком смысле. Для нас это правила. Поэтому они рациональны по определению.

Анализ понятия ПП, как и анализ предпосылок, используемых при рациональной оценке, показывает, что с точки зрения философии Витгенштейна они должны быть укоренены в реальности⁵. Именно укорененность рациональных оснований в реальности делает их рациональными. Тогда как их интернализация приводит к постепенной потере (обеднению) смысла, очевидности и превращению рациональности в псевдорациональность (концептов, смысла и очевидности, в псевдоконцепты, псевдосмысл и псевдоочевидность).

Как правило, в парадигматических случаях применения наших концептов (правил, языка) – можно также говорить об инстинктивных (примитивных) языковых играх – и, в частности, в парадигматических случаях зрительного восприятия, последние не могут не отсылать к тому, к чему они по самой своей природе предназначены отсылать. Осмысленность применяемых правил и концептов предполагает, что в этих случаях они применяются корректно, что мы знаем, что они применяются корректно. Семантика, эпистемология и онтология оказываются неразделимо связанными между собой.

Дело не только в том, что структура рационального обоснования предполагает принятие «нерациональных» ПП, но также и в том, что сама природа ПП, концептов и рационального обоснования предполагает существование реальности, «внешнего мира». Задание ПП эквивалентно заданию некоторой устоявшейся формы жизни (концептуализированной части реальности), философской грамматикой (правилами) которой они являются⁶.

⁵ Существование реальности предполагается! В противном случае мы бы имели дело не с употреблением правил и концептов, а с бессмыслицей.

⁶ В какой-то мере, как нам представляется, Притчард учитывает сказанное, ссылаясь на позицию Дональда Дэвидсона о природе наших мнений как имеющих тенденцию к истине и вводя новое понятие «над-петлевого (über-hinge) предложения», что мы не можем радикально ошибаться в наших мнениях.

Проблемы эпистемологического дисджанктивизма

В нашей статье, опубликованной в 2014 г., мы указали, что ЭД Притчарда, в том числе решение скептической проблемы в рамках ЭД, не принимает во внимание витгенштейновскую эпистемологию и, в частности, понятие ПП⁷. Мы указали, что в некоторых случаях ЭД неприменим, в том числе и для решения скептической проблемы.

Случаи зрительного восприятия неоднородны. Если в некоторых парадигматических случаях дефитор возможен, так что, поскольку он есть, парадигматический случай перестает быть парадигматическим, то в других парадигматических случаях дефитор невозможен. В этих последних случаях мы имеем, на самом деле, дело с грамматическими (логическими, а не эпистемологическими) фактами в смысле философской грамматики Витгенштейна. Соответствующие предложения являются ПП и не могут быть рационально обоснованы. Эпистемологический дисджанктивизм к ним неприменим, поскольку он апеллирует к фактивным рациональным основаниям. В тех же парадигматических случаях зрительного восприятия, в которых рациональное обоснование возможно, рациональные основания для знания следует понимать в смысле их достаточно сильной укорененности в факте⁸.

Укорененные в реальности рациональные основания суть ПП, которые могут быть эксплицированы в виде не имеющих истинностных значений (поскольку речь идет о правилах / нормах) пропозициональных установок, о которых говорит Притчард. Укорененность рациональных оснований – петлевых предложений (правил / норм) в факте делает возможным автоматическое «прагматическое» закрытие эпистемического разрыва между ними и знанием о факте. ЭД – рационализация *ex post* прагматического закрытия эпистемического разрыва между рациональными основаниями для мнения и фактом / знанием. В случае когда разрыв закрыт, мнение, что *p*, оказывается прагматически «успешным», т. е. соответствующим своей норме – знанию⁹.

В той же нашей статье 2014 г. мы также указывали на необходимость синтеза ЭД с витгенштейновским прагматизмом, на необходимость коррекции первого с точки зрения второго. Последующее развитие эпистемологии подтвердило наш вывод.

Байскопический подход Притчарда и его критика (Часть 1)

⁷ Имеется в виду работа: *Прись И. Е.* Проблема доступа в теории эпистемологического дисджанктивизма // *Философская мысль.* 2014. № 10. С. 1–25.

⁸ Таким образом, знание, подразумевающее причинный контакт с фактом, первично, а мнение и рациональные основания для мнения вторичны, а не наоборот.

⁹ Мы принимаем тезис Тимоти Уильямсона, что знание есть норма для утверждения (и мнения).

Притчард в книге 2016 г. разрабатывает подход к скептическому парадоксу о существовании внешнего мира, комбинирующий идеи Витгенштейна о ПП и ЭД¹⁰. В рамках этого подхода дисджанктивистский аргумент теряет свою радикальность: уже не утверждается возможность рационального обоснования существования внешнего мира. В то же время подход не допускает никакого компромисса со скептицизмом, как это делает, например, атрибуторный контекстуализм, утверждающий, что в скептическом контексте мы не знаем, что у нас две руки¹¹.

Ранее мы уже анализировали байскопический подход Притчарда¹². С нашей точки зрения, предложенный объединенный подход, хотя и представлял собой значительный прогресс, являлся чисто эпистемологическим в том смысле, что природа ПП принималась во внимание не полностью, поскольку не анализировалось понятие реальности и не отвергались эксплицитно понятие метафизической реальности и метафизические предпосылки традиционной эпистемологии (как интерналистской, так и экстерналистской). В частности, ЭД рассматривался вне связи с метафизикой. Принимая позицию витгенштейновского (в широком смысле) контекстуального реализма, мы пришли к выводу, что дисджанктивистская компонента в подходе Притчарда является излишней, а сам ЭД может быть подвергнут терапевтическому анализу в рамках философии позднего Витгенштейна. Аналогичный вывод о том, что для решения скептической проблемы достаточно эпистемологии Витгенштейна, был сделан Анализом Колива в 2018 г.

Два эпистемических принципа. Отметим, что в рамках своего байскопического подхода Притчард мотивирует необходимость обращения к эпистемологии ПП несколько иначе, чем мы. ЭД терапии не подвергается, а остается независимым от эпистемологии Витгенштейна теоретическим тезисом, позволяющим решать задачи, которые петлевая эпистемология якобы неспособна решить. Дело в том, что, согласно Притчарду, существуют два независимых друг от друга вида скептическо-

¹⁰ Речь идет о работе: *Pritchard D. Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing.* Princeton University Press, 2016.

¹¹ С точки зрения атрибуторного контекстуализма принцип замкнутости знания не отвергается, а оказывается неприменимым для случая, когда контекст меняется по ходу рассуждения. Таким образом, неправдоподобное заключение о том, что я (рационально) знаю, что внешний мир существует, с точки зрения скептических стандартов для знания, здесь не возникает. В скептическом контексте, однако, скептическое заключение сохраняется. Это уступка скептицизму. Одно из возражений против атрибуторного контекстуализма состоит в том, что зависимость знания (стандартов для знания) от контекста лишь видимое, а, на самом деле, в разных контекстах генерируются различные конверсационные импликатуры, так что то, что утверждаемо в одном контексте, не утверждаемо в другом. Контекстуалист же ошибочно конвертирует прагматику наших лингвистических практик относительно эпистемических терминов в семантические утверждения относительно контекстуальных сдвигов.

¹² См.: Прись И. Е. О «байскопическом» подходе к скептическому парадоксу // *Философия и социальные науки.* 2015. № 2. С. 32–37.

го парадокса относительно внешнего мира, основанных на двух независимых и достаточно правдоподобных эпистемических принципах: принципе замкнутости знания и принципе недоопределенности рационального обоснования (*insularity of reasons*). Витгенштейновский подход, как полагает Притчард, позволяет разрешить лишь ту версию скептической проблемы, которая основана на принципе замкнутости знания. Для решения другой версии парадокса требуется ЭД.

Два упомянутых эпистемических принципа употребляются в следующем виде.

1. *Принцип замкнутости рационального знания* (речь идет именно о «рациональном» (интерналистском) знании в смысле знания, которое имеет доступное рефлексии рациональное обоснование): если субъект *S* имеет рациональное знание, что *A*, и он компетентным образом выводит из *A*, что *B*, приходя таким образом к мнению, что *B*, и сохраняя при этом рациональное знание, что *A*, то он приобретает рациональное знание, что *B*.

2. *Принцип недоопределенности рационального обоснования*: если субъект *S* знает, что *A* и *B* описывают несовместимые друг с другом сценарии, но у него нет рациональных (в смысле интерналистских, доступных рефлексии) оснований, позволяющих отдать предпочтение сценарию *A* перед сценарием *B*, то у него нет рационального (в смысле интерналистски обоснованного) знания, что *A*.

Принцип замкнутости знания сильнее принципа недоопределенности рационального обоснования, и, соответственно, первая форма парадокса сильнее второй. Поэтому избавление от первого вида скептического парадокса еще не означает избавления от его второго вида.

Два вида скептического парадокса. (1) Скептический парадокс, основанный на принципе замкнутости знания (выше мы уже его формулировали, рассматривая муровское и неомуровское решения скептической проблемы), имеет вид следующих интуитивно правдоподобных, но противоречащих друг другу утверждений.

1. Я не могу рационально знать, что я не мозг-в-баке. (По определению, мозг-в-баке имеет в точности те же мысли, чувства, ощущения и так далее, что и я.)

2. Принцип замкнутости (рационального) знания.

3. Я рационально знаю многое об окружающих нас вещах. Например, я рационально знаю, что я сейчас стою перед вами и читаю лекцию.

Противоречие возникает следующим образом: если я рационально знаю, что я читаю лекцию, то в соответствии с принципом замкнутости знания, я могу прийти к рациональному знанию, что я сам (и в итоге окружающий меня мир) реально существую, т. е. к рациональному знанию, что я не мозг-в-баке. Это противоречит утверждению 1. Скептик принимает утверждение 1 и отвергает утверждение 3. Антискептик – наоборот.

(2) Скептический парадокс, основанный на принципе недоопределенности рациональных оснований (как уже было сказано, этот парадокс слабее в том смысле, что его устранение не следует из устранения первого парадокса), имеет отношение к проблеме декартовского демона в ее современной формулировке. Быть может, как пишет в *Размышлениях* Декарт, «какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение». Парадокс:

1. По самому определению скептического сценария у меня нет рациональных оснований предпочесть ему сценарий, согласно которому то, что я вижу перед собой, действительно компьютер, а не иллюзия, созданная в моем мозгу сумасшедшим ученым.

2. Принцип рациональной недоопределенности.

3. Я знаю, что передо мною компьютер.

Из утверждений 1 и 2 следует отрицание утверждения 3.

Согласно Криспину Райту и Анализе Колива, эти два вида парадокса примерно соответствуют картезианскому и юмовскому разновидностям скептицизма. В скептическом парадоксе, основанном на принципе недоопределенности рациональных оснований, как и в случае индукции, имеет место амплиативный (индуктивно, а не дедуктивно подкрепляемый) вывод: исходя из видимости о существовании (объектов) внешнего мира к утверждению о том, что он (они) существует.

На первый взгляд абдукция позволяет решить скептическую проблему. Она утверждает, что наилучшее объяснение моего субъективного опыта о внешнем мире в том, что внешний мир существует, т. е. я не мозг-в-баке. Если бы это было так, у интерналиста было бы рациональное основание отдать предпочтение антискептической позиции. На самом деле, при анализе проблемы радикального скептицизма, вывод к наилучшему объяснению не может функционировать так, как он обычно функционирует, поскольку сама постановка проблемы такова, что не существует каких-либо оснований, чтобы сделать заключение, что нескептическое объяснение лучше, чем скептическое. Нельзя, например, сказать, что нескептическое объяснение является более простым или что оно имеет какие-то эмпирические основания, которых нет у скептической гипотезы. Принцип наилучшего объяснения, если он применяется для опровержения скептика, оказывается очень специфическим ревизионистским решением.

Итак, в первой части лекции мы показали, что известные теоретические решения проблемы скептицизма, за исключением подхода Т. Уильямсона, который, на самом деле, может быть понят в витгенштейновских терминах, являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках. Объединенный витгенштейновско-дисджанктивистский подход

Притчарда является скорее терапевтическим. В то же время он содержит теоретический дисджанктивистский тезис о парадигматических случаях перцепции. Во второй части лекции мы продолжим рассмотрение этого подхода. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дисджанктивизме нет нужды. Проблема устраняется в рамках витгенштейновского контекстуального реализма. Строго говоря, скептический сценарий бессмыслен.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Прись Игорь Евгеньевич, доктор философии (Парижский университет, Париж, Франция), канд. физ.-мат. наук, Институт философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, 220072, Беларусь)

Igor E. Pris, Doctor in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France), Candidate of Sciences (Physics), Institute of Philosophy of NAS of Belarus (1/2 Surganov Str., Minsk, 220072, Belarus)

frigpr@gmail.com